

По благословию Высокопреосвященнейшего

ФИЛАРЕТА,

Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси

Для среднего и старшего школьного возраста

© Издательство Белорусского Экзархата, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

РОДНЫЕ МОИ!

Любовь Ивановна Ганаго

НАШЕСТВИЕ

ДУХ СЛОВА

АХ! АХ!

ПРОЩАНИЕ С АНГЕЛАМИ

ЧЕМПИОН

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Я УЗНАЛ ТЕБЯ!

Любовь Ивановна Ганаго

СОНЯ ПРОСНУЛСЯ

В ЛАБИРИНТЕ

СЛЕПЫЕ КОТЯТА

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

МУДРАЯ ПЧЕЛКА

ЗОВ

НЕЗЕМНЫЕ ЛУЧИ

ДИВНЫЙ ПЛАМЕНЬ

По книге “Луг духовный” блаженного Иоанна Мосха

ПУТЬ К СВЯТОСТИ

По материалам книги И.М. Концевича “Оптина пустынь и ее время”. Типография преп. Иова Почаевского, Нью-Йорк, 1970.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Так кто я? Потомок обезьяны, и жить мне по законам стаи?

Или я — сын Божий, наследник царства любви?

РОДНЫЕ МОИ

В свой отпуск Екатерина с семилетним сыном Никитой поехала на дачу. Муж ее погиб в Афганистане, и единственное, что осталось у женщины от прежней счастливой жизни, — это сын. О новом замужестве Екатерина не думала и жалела только об одном — что не дал им Бог хотя бы еще одного ребенка.

Мать оставила сына с вещами в зале ожидания, а сама отправилась за билетами. Дожидаясь маму, Никита вытащил бутерброд и стал есть. Вдруг к скамейке подошла маленькая девочка, лет трех-четырёх. Она была худенькая, и на ее почти прозрачном личике блестели большие глаза.

— Мальчик, дай мне кусочек хлебца, — тихим голоском попросила девочка, — я так хочу есть!

Никита сначала растерялся, а потом быстро вытащил другой бутерброд и отдал девочке. Лицо крошки просияло:

— Петя, Петя! — позвала она кого-то. — Иди скорее сюда!

С дальней скамейки поднялся мальчик немного постарше Никиты.

— Возьми, — девочка протянула ему бутерброд, отщипнув себе небольшой кусочек.

— Ты ешь сама, — сказал Никита, тронутый поступком девочки, — у нас есть еще. Возьми, Петя, — и он достал из сумки еще один бутерброд.

— А тебя мама не заругает? — обеспокоенно спросил мальчик.

— Нет, она добрая.

Они быстро разговорились. Петя рассказал, что, когда мама умерла, отец отвез их в детдом, а сам куда-то уехал. В детдоме сестренку Аню поместили в младшую группу, а его — в среднюю. Аня сильно плакала, что их разлучили, и почти ничего не ела. Тогда Петя предложил сестренке убежать из детдома. Им это удалось. Эту ночь они провели в зале ожидания, что делать дальше — не знают.

— Подождите, — сказал Никита, — мама что-нибудь придумает.

И мама, узнав историю Пети и Ани, преодолевая сомнения, решила взять детей с собой на дачу.

“Поживем вместе, Господь даст — все образуется!” — подумала она.

Мальчики быстро подружились. Никита ввел Петю в круг своих друзей, называя его старшим братом, а Аню — сестрой.

Аня не принимала участия в играх ребят. Девочка так привязалась к Екатерине, что не хотела отпускать ее ни на шаг: в саду, на кухне, на прогулках — они всегда были вместе. И везде она старалась помочь своей новой мамочке. Екатерина поражалась, сколько доброты и ласки кроется в этом маленьком ребенке, и уже не представляла жизни без нее.

Петя ей тоже нравился, хотя она чувствовала некоторую его настороженность. Он, в отличие от Ани, называл ее тетей Катей.

Однажды они все вместе собирали в саду клубнику. Никита срывал самые крупные ягоды и ел их вместе с Петей. Это заметила Аня. Она быстро подбежала к мальчикам, и Екатерина услышала ее звонкий голосок:

- Почему вы едите самую крупную клубнику? А маме? Это несправедливо!

— Ничего, всем хватит! — беззаботно ответил Никита.

— Собирайте в корзинку, вкусное надо есть вместе! — укоризненно заметила девочка.

Никита хотел возразить, но Петя остановил его:

— Аня права. Собирай в корзинку.

Когда мальчики прибежали к обеду и Никита кричал еще с порога:

— Мама! Покорми нас скорее, ребята ждут! — в ответ они слышали голос Ани:

— Сейчас мы сядем обедать все вместе. Это несправедливо: мама готовила-готовила, а вы хотите поесть одни.

И Никите нечего было возразить.

Если Екатерина ложилась после обеда отдохнуть, а мальчики шумно вбегали в дом, их тут же встречала Аня, говорила шепотом:

— Тише, мама отдыхает! — и тихонько выпроваживала их из комнаты.

“Как незаметно я избаловала Никиту, — думала Екатерина, — и как незаметно этот ребенок исправляет мои ошибки!”

Приближался конец лета. Петя все чаще задумывался, что будет с ними. “Хотя бы одну Аню взяла к себе тетя Катя. Я-то уже большой, сумею постоять за себя, а она...” — с грустью думал восьмилетний малыш. Он помнил, как в детском доме о них прозвучали слова “отказные дети”. “Отказные дети” — эта фраза часто звучала в его голове. “Тетя Катя, конечно, хорошая женщина, но зачем мы ей?”

О конце лета думала и Екатерина. Надо ехать в город, идти в детский дом и оформлять документы на детей. Потом устраивать Никиту и Петю в первый класс, а для Ани подыскивать няню.

Желая знать, как отнесется Никита к усыновлению детей, она как-то раз позвала его в свою комнату и коротко обо всем рассказала. Никита был в восторге. Но в это время в комнату вошел Петя и услышал, что тетя Катя пойдет в детский дом и будет оформлять документы на обоих.

“Значит, не возьмет даже Аню! — с горечью прошептал мальчик. — Надо бежать!” — решил Петя и вызвал Аню в сад.

— Аня, — взволнованно прошептал брат, — Тетя Катя хочет вернуть нас в детдом. Мы сегодня убежим и уедем в другой город.

— Нет! Нет! — горько заплакала девочка. — Я хочу быть с мамой, она же обещала, что мы с ней никогда не расстанемся!

— Значит, передумала! — сурово сказал Петя. — Зачем мы ей нужны? Мы же для нее чужие!

Привыкшая во всем слушаться брата Аня наконец согласилась.

Екатерина заметила, что за обедом Петя сидел грустный и плохо ел. У Ани были красные глаза.

— Уж не перегрелись ли вы на солнце, дети? — спросила она. — Сейчас же после обеда ложитесь отдыхать.

Она прилегла сама и, как обычно, Аня примостилась рядом. Девочка обняла ее и вдруг заплакала.

— Что ты, доченька! Может, мальчики тебя обидели?

— Мама, мамочка! — прижимаясь к ней, заговорила Аня. — Ты меня никому, никому не отдашь?

— Никому, доченька, успокойся и спи.

— А если я потеряюсь, ты найдешь меня?

— Конечно, милая.

“Что это с ней? — удивилась Екатерина, — видно, ребенок никак не может забыть, что родная мама покинула ее”.

Екатерина задремала. И вдруг как будто кто-то громко сказал ей: “Проснись, беда!” Она посмотрела на рядом стоящую кровать — Ани не было, быстро вскочила и побежала в комнату к мальчикам — Петя тоже исчез.

— Никита! Никита! — закричала она. — Вставай! Дети убежали!

— Ну что ты, мама, — протирая глаза, пытался успокоить ее сын, — зачем им уходить? Они где-нибудь в саду.

Но Екатерина уже не слышала. Она мчалась по дороге к электричке.

“Господи, Господи! — умоляла она. — Пусть они не уедут! Оставь их мне!” Вдалеке она увидела две маленькие фигурки, приближающиеся к вокзалу. Екатерина пробовала звать детей, но они были слишком далеко, и ветер относил ее крики.

— Не успею! Через две минуты электричка, а мне бежать еще минут семь. Господи! Оставь их мне! — со слезами повторяла она. — Пусть их что-нибудь задержит!

И уже приближаясь к станции, Екатерина услышала:

— Граждане пассажиры, электропоезд задерживается на десять минут.

— Слава Богу! — слезы полились из ее глаз. Выбежав на перрон, она обвела глазами толпу и увидела стоящих в стороне детей, прижавшихся друг к другу.

— Аня! — громко закричала она. — Доченька! Петя! Сынок!

Аня оглянулась, вырвала свою ручку у Пети и, плача, бросилась к ней.

Екатерина схватила ее на руки, повторяя:

— Доченька ты моя, доченька!

Петя неуверенно приблизился к ним. Екатерина поставила Аню на землю и обняла мальчика.

— Сынок, — сквозь слезы спросила она, — что случилось? Почему вы ушли?

— Но ты же сама хотела оформить нас в детдом. Я слышал! — хмуро ответил мальчик.

— Глупенький! — улыбнулась Екатерина. — Ты ничего не понял! Вы же сейчас числитесь за детдомом. Я должна оформить вас как своих детей, чтобы никто никогда не мог отобрать вас у меня!

— Да, мама! — первый раз назвал так Екатерину Петя. — Никто и никогда! — И, обняв ее, он вдруг заплакал.

— Никогда-никогда! — подтвердила она. — Вы же посланы мне Богом!

Счастливая мать повела детей домой. Навстречу им, запыхавшись, бежал Никита.

НАШЕСТВИЕ

Сереза возмущен: опять задали муру. “На фига мне амеба, какая-то одноклеточная тварь. Я же не одноклеточный! Ну и программа у нас...”

Сергей отшвырнул учебник, включил “маг”. Из наушников в него ворвались грохот, вопли, зовы, а главное — ритм, голый ритм, бьющий по мозгам, по всему существу, сотрясающий каждую клеточку. Ритм выбивал всякую мысль о мироздании, о предназначении человека, о вечности.

Да, магнитофон действительно был магом-волшебником, превращающим высшее творение — человека, сына Божия, наследника Небесного Царства — в зомби, сына погибели.

Ритм одурманивал подобно наркотику. Сергей засыпал и просыпался с наушниками. Он не снимал их во время еды, на улице, в транспорте. Симфония мира — пение птиц, колокольные звоны, голос Бога —

совесть, зовущая в небо, уже не достигала его внимания.

Ритм, как татаро-монгольское нашествие, опустошал все доброе, что хранилось поколениями и народной памятью.

— На фига мне история? — Сереза отодвинул учебник.

И в самом деле — зачем знать про вражьи нашествия, если он полностью захвачен, пленен духами тьмы, если он предал родные истоки?! Они ему неинтересны! Ему лишь бы “побалдеть”, “словить кайф”, предавшись вибрациям ритма. Без ритма жизнь стала бы для него пресной, серой.

— Может, не зря ребята дали ему кличку Серый.

— Серый, дай сигарету, Серый, налей пивка!..

Он привычно отзывался, и в его юной голове даже не возникал естественный вопрос: почему его так зовут? Неужели потому, что Сергей? Но ведь если бы хоть на мгновение задумался, то мог, мог бы Сереженька вспомнить про того Сергия, в честь которого его нарекли при рождении. Когда еще не было “мага” и еще не разучился читать, любил Сережа книгу о молодом человеке, ушедшем в лес от мирской суеты. С замиранием сердца представлял он, как в домок подвижника ломилась нечисть, как, пугая, стучала копытами, хохотала, скрежетала зубами. Все выстоял Сергей Радонежский, лишь звал на помощь Господа Иисуса Христа.

И Господь его рукой благословил рать русскую на победу над татаро-монгольской ордой, над силой видимой и невидимой.

Да, мог бы Сережа вспомнить о своем святом, мог бы... Но разве это возможно, когда по мозгам бьет, бьет, бьет ритм?

— Как вы думаете, — спросила седовласая учительница класс, — чем отличается поведение амебы от поведения человека? Что ты можешь сказать об этом, Сережа?

Такой постановки вопроса на уроке биологии никто не ожидал. Класс с интересом наблюдал за Серым.

— Амеба — это одноклеточное животное, — блеснул своими познаниями Сергей и замолк.

— Я спросила про разницу поведения.

— Так одноклеточные думать не умеют, а человек...

— Ты считаешь, что умеет? Ты прав, если он не превратил себя в одноклеточного, в члена стаи.

Класс зашушукался. Учительница раскрыла какую-то статью.

— Вот в “Республике”, правительственной, — подчеркнула она, — газете, сообщается, как на военном кладбище, где захоронены солдаты второй мировой войны — и немцы, и наши защитники, — ребята, такие, как вы, устроили забаву. Они решили исполнить ритуалы черной магии на могилах. В стае всегда есть лидер, которого слушаются. Так этот лидер, начитавшись чернокнижных инструкций, собрал подростков деревень Поддубье и Тишково Витебского района для леденящей кровь игры. Никто из этих ребят не верил ни в Бога, ни в бесов. Но ночью в зловещей темноте на кладбище, когда вся стая вопит заклинания, чертит таинственные знаки, когда гремит дикая музыка — разве не кайф для одноклеточных? Скажи, Сережа, ты бы пошел с ними?

— Не знаю, — Сергей пожал плечами, — нет, наверное.

— А как же компания? Ведь тебя бы засмеяли, пальцем показывали бы: “Ага, струсил! Струсил!” Кто из вас мог бы выстоять против стаи? Ты бы мог? — спросила учительница одного, потом другого. — А ты? А ты?

Класс затих.

— Задумались! Хорошо. Этим человек и отличается от амебы: он может мыслить, выбирать.

— Вы про кладбище недосказали. Чем там кончилось?

— Плохо кончилось, дорогие. Разве можно нечистую силу вызывать?! Она и явилась в виде покойников. “Первой ночью кошмар не кончился, — пишется в газете. — Призраки появились снова. Они бродили по улицам, и даже собаки и коты в ужасе убежали и прятались в самые дальние углы. А у людей от страха стыла в жилах кровь”.

Класс замер, ожидая развязки.

— Потом, слава Богу, жители попросили священника отца Антония, которому Бог дал дар изгонять бесов, отслужить молебен и панихиду по убиенным. После чего все и утихло. Думайте, кто не разучился.

Придя домой, Сережа привычно включил приемник. В комнату ворвались дикие ритмы, и кто-то радостно сообщил об открытии фестиваля “Нашествие”. Вой, лязг, шум стали невыносимыми.

“Вот уж действительно нашествие!” — впервые подумал он.

ДУХ СЛОВА

Хорошо на даче. Рядом лес, озеро. Воздух — не надышишься. А еще ягоды, зелень, плоды.

Выйдешь на балкон — дали манящие открываются, мысли к небу возносятся, дух умиряется.

Хорошо здесь дедушке и трудилось. Тишина, лишь детские голоса-колокольчики да щебет птиц. Он редактором работал, чуял дух слова, порой часами искал единственное, неповторимое.

Однажды дали ему прочесть статью. Спросил:

— Кто написал?

— Студентка журфака, — отвечают.

— Она курит?

— Как вы догадались?

— Да от каждого ее слбва сигаретой разит.

Как-то выпросил внук ключ от дачи, отметить с друзьями день своего появления на свет Божий. Посоветовались дедушка с бабушкой, и зная, что сверстники внука — ребята неплохие, доверили ему дачу на вечер.

Вернулись утром — люстра разбита, диван сломан, гора окурков, на столе — невытая посуда, кругом грязь...

Обидно стало бабушке с дедушкой: два десятка лет деньги на дачу откладывали, а тут за один вечер такое... Но главное — во всех комнатах запах табачища. Пропахла и одежда, и подушки, и обои. Спать невозможно!

Запах ядовитый, въедливый. Даже книжные полки им пропитались. А на них собрания святых отцов ожидали сердечного к ним прикосновения. Лишь начнешь их слова в себя впитывать, они молятся за тебя на небе. Чудо!

Оказалось, в юной компании, дружившей с детства, появились двое новеньких — завзятых курильщиков. Без никотина уже и жить не могут. Вот и превратили дачу в курилку. Много пронеслось сквозняков, прежде чем этот нечестивый дух выветрился.

А вот связи с этими осквернителями не выветрились. Стали курильщики к соседям наведываться. И тут выяснилось, что эти новички не только насквозь прокуренные, но еще пропитанные злым словом.

Раз компания, ими уже возглавляемая, стала под окнами шашлыки готовить. Дым от костра — не беда. Его запросто из дома можно выветрить. А как выветрить из души занесенные в нее грязные слова?

Каждое слово — семя. Оно же корни пускает, а потом и плоды дает.

Дедушка в этот момент работал над статьей о великих поэтах, уловивших тайную силу созвучий, когда вдруг в его дачный кабинет ворвался поток площадной брани.

Дедушка выскочил на балкон:

— Кто тут сквернословить вздумал? Да я вас водой окачу!

Замолкла компания. Дедушка к ним спустился, заглянул в глаза. Все ребята дачные славные, а вот двое — варяги.

— Зачем их позвали? — спросил. — Каков язык, таков человек. Черное слово говорит тот, у кого душа черная. Это ж зараза страшнее СПИДа, потому как СПИД временной жизни лишает, а матерная брань — вечной. Она каждую клеточку окружающего мира отравляет, и вас.

— А вы, — дедушка обратился к пришельцам, — никогда не слышали предостережения Творца: слово, сказанное вами, будет судить вас! Значит, слова на века говорятся. Вы же одного предложения без мата сказать не можете. Что ж вы с собой наделали?! Как бесы радуются вашему сквернословью! Это же они вас за язык дергают: “Ну еще скажи грязное слово, еще скажи...”

Язык веками создавался. За каждым словом — творческое озарение. Нигде в мире нет такого языка — и гибкий, и благозвучный, и образный, и поэтический, и мудрый.

Язык — это же душа народа.

Дедушка почувствовал, что сейчас ему плохо станет, что он может упасть, но все-таки нашел в себе силы сказать о главном.

— Слово свет Божий несет. Словом Господа мир сотворен. От доброго слова цветы расцветают, коровы дают больше молока, болезни исцеляются. Через слово созревает душа, раскрывается образ Божий в нас. А вы какой образ в себе создаете?

Дедушка глубоко вздохнул и пошел прилечь, чтоб беды не случилось.

Ребята минуту постояли в задумчивости. Что услышать сумели?

Через полчаса шашлык был готов. Компания удалилась. Но пение, крик, вопли еще долго звучали в наступающей тьме.

АХ! АХ!

Людочка была совсем крошкой, когда первый раз услышала:

— Ах, какая милая девочка!

Малышка еще ничего не понимала, но восторженные возгласы ей так понравились, что захотелось их слушать всю жизнь. И когда кто-то спокойно скользил по ней взглядом, а любовался изумительным цветком или неповторимо красивым закатом, ей было обидно: почему восхищаются не ею?

Люда подходила к цветку, срывала и топтала его ножками.

Мама объясняла, что Людочка поступила нехорошо и уводила ее подальше. Люде это казалось несправедливым. Ее, которой когда-то так восторгались, называли нехорошей девчонкой из-за каких-то анютиных глазок или хризантем. Она стала ненавидеть их. Если взрослых не было рядом, девочка тайком подходила к цветам, срывала и растаптывала. Пусть только ею любят!

Когда на клумбе не осталось соцветий, мама отшлепала дочку.

“Ну и пусть, лишь бы не было соперниц! Пусть растут одни сорняки!”

А вот как быть с красивыми закатами, Люда не знала. Солнышко не растопчешь. Потому на прогулках, когда взрослые засматривались на живописные берега, на дивное озеро или заслушивались трелями соловья, Люда закатывала свои концерты. Она капризничала, плакала, скулила, доводя всех до головной боли.

Подрастая, девочка стала требовать все новых и новых нарядов. А откуда их взять? Папа давно ушел к другой красавице, помоложе. Вот мама и сидела часами у зеркала, морщинки прятала, чтобы мужа вернуть.

Подражая маме, и Людочка стала подводить губки, глаза, щечки мазать красками. В конкурсах красоты состязалась — вдруг заморский принц заметит. Когда подружки, щеголяя ножками, выходили на сцену, Люда желала им поскользнуться и даже шлепнуться. Лишь бы ей быть первой.

Если кто-то дружески говорил: “У тебя имя-то какое — Людмила. Так будь же милой для людей не только нарядами, но и красотой души”, — Люда обжигала их своими недовольными взглядами: “Какая еще душа? Где она? Кто ее видел?”

Появился в ее классе новичок, мальчик интересный, особенный. Даже имя у него редкое — Серафим. Дед его лесником был. Телевизор не признавал. Учил внука природу понимать как творение Создателя, душу хранить, добро людям нести. Он соседкам,

одиноким старушкам, на зиму бесплатно дрова привозил, тихо произнося: “Во славу Божию”.

И внуку говорил:

— Задумайся, какое имя носишь: Серафим — несущий свет. Что от тебя Господь ждет?

Понравился новенький Людочке, она и постаралась сразить его — целый час себя раскрашивала-прихорашивала.

Изумленно взглянул Серафим на соседку по парте:

— Что с тобой, болеешь?

— А что?

— Губы у тебя черные, как у покойницы, да и под глазами синева.

Она ему свысока:

— Ты что — с луны свалился? Эх, деревня... Мода теперь такая...

— Мой дед спросил бы: “Как у дикарей?” Знаешь, дедушки уже нет, а мне кажется, он со мной, и я знаю, что бы он сказал в каком случае. У него были ясные мысли, и он часто повторял: мудрец видит конец. Он суть видел и меня тому учил.

— Твой дед допотопный. А мы люди современные, — возразила Люда.

— Современные — это какие? Слепые? Ни Бога, ни души не видят? Только для удовольствия живут? У нас в воскресной школе девочки совсем другие, ни одна не красится. Взглянуть приятно, а ты почему-то ногти черным намалевала. Зачем? Ребят завлекать? Да умный парень от такой живописи шарахнет. Подумает: раз так красится, значит, в душе пустота. Разве помадой завлечешь? Кто тебя такую намалеванную замуж возьмет? Потанцевать, вечерок провести — ладно. А на всю жизнь... Мода, мода... Для чего она?

Людочка не ответила, лишь снисходительно скривилась.

Серафим пожал плечами и вновь спросил:

— Зачем краситься? Ты и так красивая. Тебя же Бог не узнает, когда ты перед Ним предстанешь. Скажет: “Я такую размалеванную не сотворил! Что ты с собой наделала? А что в душе у тебя?”

Вернувшись домой, Люда поспешила к зеркалу. Боясь, что новичок к другой пересядет, стерла помаду. Стерла — и сама залюбовалась губками, которые ей Бог дал.

Только в душу свою не заглянула. Не научилась еще.

ПРОЩАНИЕ С АНГЕЛАМИ

Как-то, когда Оленька была совсем крошкой, маме надо было сходить в магазин. “А что, если проснется? Перепугается, плакать станет. В доме никого...”

Как никого? Над кроваткой малышки — икона Пресвятой Богородицы.

— Матерь Божия, присмотри за Оленькой, я мигом!

Возвращается, а Оленька лежит, раскрыв глазки, улыбается.

— Как ты тут, не боялась одна?

А Оленька пальчиком показывает на икону, словно говоря:

— Как одна? Я с Божией Мамой.

Что там было — осталось тайной. Когда Оленька говорить стала, замечал иной раз папа, заходя на ночь благословить малышку, что та что-то бормочет, смеется.

— С кем ты тут разговариваешь?

Оленька и рассказала, что какие-то светлые дяди на крылышках прилетают, играют с ней.

Папа с мамой оберегали свое вымоленное дитя от всяких дурных влияний. А вот старшенькую Клаву, увы, не уберегли. Как ни вразумляли: “Не касайся нечистого”, — как ни наказывали, она рвалась к экрану. Только придет со школы — уже гремят выстрелы, вой сирен, в квартиру врывается всякая нечисть. Но особенно услаждалась девочка любовными сценами, пока родителей дома не было.

Оленьке смотреть взрослые передачи категорически запрещалось, но она, когда Клава созерцала бесконечные сериалы, бросала куклы и потихоньку прокрадывалась подглядеть. Стоило один раз посмотреть эту отраву, как ангелы вечером уже не прилетели.

Оля и не заметила дня, когда это случилось. Новые подружки, школа захватили ее. Да еще и телевизор! Его бы смотрел и смотрел. Надо готовить уроки, а тут опять любовный сериал. Оля давно запуталась, кто там кого полюбил, кто кого бросил, но и ее как магнитом тянул экран.

Однако — уроки! Мама придет — спросит. Вот девчушка и попросила сестрицу:

— Позови меня, когда целоваться начнут.

— Тебе еще рано! — воспитательным тоном изрекла Клава.

— Подумаешь, рано! Да я уже сто раз видела, — срезала педагогический порыв сестры Оля.

— Ну а если видела, чего смотреть?

— Так интересно!

— Что ты в этом понимаешь? — свысока усмехнулась Клава.

Когда-то и она, баюкая куклу, представляла себя будущей мамой, нежные чувства переполняли ее. Но теперь, насмотревшись экранных страстей, Клава уже почти наяву грезилась о другом. Ей казалось, что какой-то загадочный красавец вот-вот обнимет ее... А тут малая:

— Позови меня, ну позови... Не позовешь, маме с папой скажу, что ты смотришь телевизор, когда их дома нет!

Этот ультиматум заставил Клаву призадуматься и на очередное “Ну позови, позови!” старшая сестра милостиво согласилась:

— Ладно уж, позову.

Так расстаются с ангелами...

ЧЕМПИОН

---- Что за мальчик! Чудо! — слышал Славик еще в коляске. Да и потом на каждом шагу:

— Вундеркинд! Просто вундеркинд! Недаром из династии Звенигородских!

Правда, чем звенели предки, не помнили ни деды, ни прадеды. А вот позвенеть хотелось всем. Но что-то не получалось. Вот и возложили надежды на Славика, потому и имя такое дали.

У него тоже было желание поразить собою человечество. Только чем — не знал. Что ни пробовал, всюду в хвосте плелся.

Так и шли годы в несбывшихся грезах.

А тут дядя в газете вычитал, что в одной европейской стране, законодательнице мод, конкурс устраивается по... хрюканью.

— Давай! — вдохновлял он племяша. — Дерзай! Попади в Книгу рекордов Гиннеса! Прославь род! Спонсирую! Вон учитель Жюль Мартин из какого-то городишка Биарриц стал чемпионом Франции. Чем ты хуже?!

Понравилась идея Славе. Изрядно постарался. На четвереньках бегал, чтобы лучше в образ вжиться, как-никак, а конкурс — международный. Себя не жалел, готовясь к схваткам за лидерство.

Да так привык, что уже и на вопросы в ответ лишь хрюкал. Известно: кому мы подражаем, теми и становимся, так у него кое-где вместо волос уже щетина росла.

Труд не пропал даром, Слава успешно прошел отборочные состязания, попал в финал.

Тут пресса нагрянула, фото, интервью, съемки. Славик замерцал на экранах, в Интернете. Наконец-то сбылось!

Дядя ему телеграмму за телеграммой:

— Жми, дорогой! Всех перехрюкай! Ждем с духовым оркестром!

Ну Славик и поднатужился. Да не рассчитал малость — что-то там внутри хряснуло. Предстал пред Богом. Господь спрашивает:

— Я же тебя по образу Своему создавал, надеялся, что ты подобным Мне будешь. А ты что с собой натворил?

Бедняга в ответ лишь хрюкнул.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Сказка

Даже Баба-Яга когда-то была маленькой и, как все малыши, симпатичной. Как она стала Ягой-Костяной Ногой, мы не знаем. Детство ее покрыто тайной. О странствиях ее души мы можем только предполагать.

...Однажды милая девочка на опушке леса набрала корзину ягод. Возвращаясь домой, она встретила подружку. Та, увидев свежую земляничку, заморгала глазками, желая попробовать хотя бы одну.

Будущая Яга в этот момент еще была доброй, как и все дети. Но кто-то тихо ей подсказал:

— Не давай! Нечего на чужое глаза пялить. Пусть сама наберет.

Девочка, послушав этот шепот, вдруг перестала быть доброй и прижала корзинку крепко-крепко к себе.

Пожадничала раз, другой и стали ее дразнить жадиной-говядиной.

Малышке было обидно. Она даже плакала. А знакомый голос вновь шептал:

— Сами они жадины-говядины. Видишь, как дружно играют. Вон какой город из песка построили. Там и домики, и дворцы, и крепость. Всем им весело, а тебя с собой играть не берут. Песка жалко? Ничего, не огорчайся. Погляди, по домам разбежались. Пока никого нет, иди, устрой им веселье, растопчи все своими ножками. Пусть знают, как обижать бедную девочку! Иди, иди.

И она пошла. И топтала все с какой-то злостью.

Ребята, конечно, догадались, кто мог растоптать их творения, и прозвали мальцпкку вредной.

Тут уж совсем ей обидно стало. А вкрадчивый голос вновь нашептывал:

— Сами они все вредины. Ты — самая замечательная, самая умненькая. Просто завидуют тебе, вот и все. Ну и что из того, что тебя не любят? Любви вообще нет. Каждый о себе только и думает. Человек человеку волк — не зря сказано. Вот и едят друг друга, если не зубами, то языком. И ты не отставай, чтоб тебя не слопали...

Может, таких мыслей девочка наслушалась от невидимого советника, может, по-другому все было — кто знает? Только стала она свой нос перед всеми задирать. А тот вдруг расти

начал не по часам, а по минутам. Рос-рос да внезапно скрючился. В тяжелый такой носище вымахал, даже голову к земле перевешивал. Ходить стало тяжело. Да к тому времени она еще и высохла вся от зависти. Опять огорчилась.

И опять ей кто-то в уши соблазнительные слова вкладывает:

— Не грусти! Раз ты всегда не Бога, а нас слушалась, мы тебе такое средство передвижения дадим, все аж позавидуют!

И появилась рядом метла.

— Садись и лети куда вздумается. Только тех, у кого крест и кто молится, облей подальше, чтоб беды с тобой не случилось. Запомнила?

Надо сказать, что с послушанием у нее всегда нелады были. Еще с младенчества всё наперекор, все по-своему норовила сделать. Скажут ей: не ходи по той стежке, там топи. Она же обязательно по этой дорожке потопает. Так в лихой час в болото попала. Затягивает ее все глубже да глубже. Между тем уже темнеет. Кричит, а кругом — ни души. Лишь леший да кикимора, посмеиваясь, поглядывают, как человек тонет, просят их вытащить из трясины,

— А зачем ты нам? — спрашивают. — Ты же никого не слушаешься. Что от тебя проку?

Обещает бедняга, если ее спасут, служить им со всем старанием.

— Хорошо, — говорят, — вытащим. Только смотри: если слово нарушишь, будет тебе еще хуже.

— Все исполню, что прикажете.

— Ну, помни наш уговор! А приказ таков: пакостить людям, где только возможно.

— О, это я с удовольствием! — пообещала она.

Так и был заключен ее союз с нечистой силой. Так и стала она Бабой-Ягой навеки.

Говорят, и сейчас кое-то в Бабу-Ягу превращается. Вон как любят судить да рядить, завидуя. Где они ни появятся, там от них ледяным холодом веет. Только вместо метлы они теперь воздушные лайнеры и “Мерседесы” используют, чтобы не догадались, кто они есть на самом деле. А внешность пластическими операциями меняют. Попробуй, узнай!

Упаси нас, Господи, от сетей вражеских!

Помоги сохранить образ Твой, а он в любви к Тебе да к людям!

Я УЗНАЛ ТЕБЯ!

“Где я? Что со мной?” — эти мысли пронзили Виктора, когда он пришел в сознание. Он хотел привстать, оглядеться, но на голове была какая-то повязка, руки и тело связаны ремнями.

“Я — в плену?!” — с ужасом подумал Виктор и с трудом стал вспоминать. Они ехали на задание. Вдруг — выстрелы. Приняли бой. Он помнит взрыв. Потом все погрузилось во тьму.

Скрипнула дверь. Кто-то подошел к нему, и молодой голос сказал:

— Всё еще без сознания. Жаль парня. Вряд ли даже вы, Николай Петрович, вернете ему зрение.

В ответ послышался старческий говорок:

— Эх, батенька, торопитесь, ой, торопитесь! Надежда есть — операция прошла удачно.

Виктор, оглушенный услышанным, застонал:

— Где я? Почему связан?

— Пришлось, дружок, — объяснил старческий голос, — ты рвался куда-то бежать и все пытался скинуть повязку с головы. Сейчас тебя развяжут. Надеюсь, будешь вести себя тихо. Лена, — позвал он кого-то, — развяжи его и принеси поесть.

— Я... ослеп? — через силу произнес это слово Виктор.

— Тебя привезли в Москву, в лучший госпиталь. Все, что можно, уже сделано. Пока отдыхай.

Они ушли. Какая-то женщина ловко сняла с него ремни и принесла обед.

— Ешьте! Может быть, вас покормить?

— Я ничего не хочу! Оставьте меня! Уйдите все! — Он толкнул тарелку, она упала на пол и разбилась. — Уйдите! Уйдите! — уже кричал он.

Женщина с криком:

— Валя! Валя! Иди быстрее! Больной опять бушует! — выбежала из комнаты.

Злость прошла. “Наверно, опять свяжут”, — безрадостно подумал он.

Послышались легкие шаги. Кто-то сел рядом на стул и ласково произнес:

— Ну, миленький, успокойся, нельзя волноваться! — И нежные пальцы стали гладить его руку. — Николай Петрович считает, что успех операции во многом зависит от тебя. Главное, ты не должен впадать в уныние, а положиться на волю Божию. А Бог поможет тебе вернуть зрение.

— У вас что, такая должность: Валя-валерьянка? — невесело пошутил он.

Девушка тихонько засмеялась:

— Я, Витенька, здесь уже третий год. Студентка я, медичка. Сначала санитаркой работала, а сейчас — медсестрой у самого Николая Петровича. Ох, как я боялась сначала во время операций! Николай Петрович даже хотел заменить меня. Теперь страх прошел, я все время молюсь, чтобы Господь помог. Вот и о тебе, Витенька, молилась, когда тебя оперировали, и буду каждый день молиться, просить Господа, чтобы вернул тебе зрение.

— Думаешь, поможет? — улыбнулся Виктор.

— А как же? — убежденно сказала Валя. — Во всем есть Божий Промысел. Без него ничего не может свершиться. Ты тоже, Витенька, молись, и Господь поможет тебе.

— Ох и ребенок ты еще, Валюша, — ласково сказал Виктор, — веришь в чудеса. А жизнь жестокая и бессмысленная. На моих глазах гибли ребята, такие же, как я. Почему? В чем тут был Божий Промысел? Да и я... За что Господь лишил меня зрения?

— Мы, Витенька, не всегда можем понять, зачем и как поступает Бог, — мягко сказала Валя. — Это сокрыто от нас. Да и рассматриваем мы все события с позиций временных. А жизнь-то вечная, Витя. И от нас зависит, как мы подготовим себя к этой вечности.

И хотя слова ее казались ему по-детски наивными, он не спорил. С ней было хорошо и спокойно, и не хотелось, чтобы она покинула его.

Валя приходила к нему каждый вечер. Они много разговаривали, она читала главы из Евангелия, рассказывала о церкви и церковных таинствах, учила молиться.

Виктор так привык к ее ласковым словам и прикосновениям, что скоро не мог даже и представить жизни без нее... Однажды он сказал ей, что представляет ее блондинкой с голубыми глазами, высокой и стройной. Валя засмеялась:

— Вот и разочаруешься, когда увидишь меня! Совсем я не такая.

Подошел день, когда с глаз Виктора сняли повязку. Он — видел! По-новому, с восторгом разглядывал он лица людей, небо и деревья, виднеющиеся из окон больницы.

“Валя права! — думал Виктор. — Во всем Божий Промысел. Я лишился зрения, и Господь вновь даровал мне его, чтобы я другими глазами посмотрел на мир”.

Он с нетерпением ждал Валю, но она в этот вечер не пришла.

Валю обуревали сомнения: встречаться с Виктором или нет? Его скоро выпишут из больницы и он уедет к себе на родину. Так, может, и лучше, чтобы остался у него в памяти тот образ, который он придумал и полюбил.

— Не переживай, Валюшка! — успокаивали подруги, — мы сделаем из тебя красавицу!

Они усадили ее на стул, наложили вокруг глаз тени, подрумянили щеки, накрасили губы, приклеили длинные ресницы, пышно взбили волосы. Наконец с возгласом: “Ох, и красивая ты стала, Валька!” — подвели ее к зеркалу.

Валя долго смотрела и не узнавала себя. Эта девушка была красива, но это была не она — ничего не осталось от ее простодушного лица. И даже возрастом казалась много старше.

Подойдя к умывальнику, несмотря на протесты огорченных подруг, Валя решительно смыла чужую красоту. А вечером пошла к Виктору.

Он лежал на постели и с беспокойством ждал Валю...

Открылась дверь. На пороге стояла миловидная девочка невысокого роста, с темными волосами и большими серыми глазами. Она улыбалась.

“Что за девушка? Чему она улыбается?” — растерялся Виктор. И тут он услышал знакомый ласковый голос:

— Ну вот, Витенька, все твои страхи позади. Скоро тебя выпишут.

И в тот же момент нарисованный им образ девушки исчез. Именно такой, только такой должна быть его Валя.

— Родная, любимая! — воскликнул он. — Иди же сюда! Я сразу узнал тебя!

СОНЯ ПРОСНУЛСЯ

---- Хватит! — мама выключила телевизор и, уходя, посоветовала сыну:

— Лучше бы в окно посмотрел. Ничего, кроме мультиков, не видишь.

Мальша прозвали Соней за то, что он спал на ходу. Нет, нет, глаза у него были открыты, но он не умел ими смотреть.

Ни птички, порхающие с ветки на ветку, ни проплывающие облака, ни спешащие люди — все было ему неинтересно.

Лишь бы смотреть на экран! В этот момент, когда тот вспыхивал, просыпался и Соня, и никто ему не был тогда нужен. Наоборот, все даже мешали.

Раз не дают смотреть мультики, он плюнул на все, что было за окном, сразу на весь мир.

Слюна растеклась по стеклу. Соня ее размазал рукавом. Но и это позабавило его ненадолго. Он повернулся к сестричке. Та увлеченно что-то рисовала.

Мальчику стало обидно, что ей интересно жить, и он поделился с ней своим замыслом:

— Сейчас я на тебя плюну. Сестренка спокойно предостерегла;

— А я тебя укушу!

Соне не захотелось быть укушенным, и он отказался от своей идеи.

Братишка подошел к сестренке и посмотрел, что она рисует.

А там чего только не было — и какие-то древние динозавры, и люди, высекающие огонь, и забавные овечки.

Соне самому захотелось взять карандаш. Размышляя, что бы ему изобразить, он глянул в окно.

На ветке раскачивался красногрудый снегирек. Малыш впервые увидел, какая же она красивая, эта птичка. Соня подошел к окну и стал ее разглядывать. На ветках резвилась целая стайка снегирей. Все они о чем-то щебетали, всем было радостно.

— О чем щебечут птички? — впервые задумался человек.

Он стер со стекла слюну, чтобы лучше видеть жизнь.

В это время сестричка стала читать вслух:

Ночевала тучка золотая

На груди утеса-великана...

Соня взглянул на небо. Там клубились бело-розовые облака, походившие то на медведя, то на уплывающие горы.

А девочка продолжала про золотую тучку:

Утром в путь она умчалась рано,

По лазури весело играя...

Мальчику стало интересно: куда плывут облака?

Внезапно он открыл, что вокруг много удивительных тайн. Даже сестренка показалась ему загадкой.

О чем думает она сейчас, пробегая глазами какие-то строчки и что-то потом выводя карандашом?

— Почитай мне... Почитай!..

Пробуждающаяся душа потянулась к тайнам мира.

Девочка, увидев у братишки вспыхнувший интерес, рисуя утес, прошептала:

Но остался влажный след в морщине

Старого утеса.

Одинокое Он стоит, задумавшись глубоко, И

тихонько плачет он в пустыне.

Соне стало жалко брошенный утес, жалко и себя.

Ему показалось, что все забыли о нем, и он никому не нужен.

Тихонько поскуливая, малыш побрел на кухню и прижался к маме.

И мама обняла его.

¹ Стихотворение М.Ю. Лермонтова “Утес”.

В ЛАБИРИНТЕ

---- Ах ты, Коля-Николай! Сиди дома-дома, не гуляй! — говаривала соседка Акулина, покачивая скрюченным пальцем.

А что делать малышу дома, если дом — только крыша и стены, а в нем — никого. Отец где-то скитается. Мать днями на работе. Возвращается почти затемно, да и то не одна. Свои ласки сегодня — одному, завтра — другому. Утром наварит каши — только ее и видели. А Коля один, все один, никому не нужный.

Так и проходило беспанное детство. Детство беспризорное.

Бабка Акулина семечками торговала на площади. У нее вместо ноги деревяшка пристегивалась. Ее тоже днями во дворе не найдешь. Когда семечки жарила, Колю угощала да молитвам учила. Гладила по голове, утешая:

— Не грусти, Коленька. Отец у нас у всех есть. На небе Он. Только невидимый пока. Позови — Он поможет. Ты же сын Божий.

Но Коле хотелось такого папу, чтобы на колени к нему забраться, чтобы мама дома была, да не с пьяными чужими дяденьками, братишек хотелось...

Коля все искал кого-то. Забредет куда-то, а как вернуться — не знает. Да ладно, если еще в пригороде заблудится. Найдут — вернут. Как-никак дом родной. Есть где от невзгод укрыться.

Но жили они рядом со станцией, где товарняки на минуту притормозят — и в путь. Коля любил смотреть, как они вдали исчезают. Подрос, стал на платформы, в вагоны забираться. Увезут за тридевять земель, а как вернуться? Даже адреса не ведал.

Прибрала его в свою компанию шайка воров-домушников. Им как раз нужен был пацан, чтобы в незакрытые форточки пролазить.

Места их сборища назывались “малиной”, жулье — “братвой”, старшего величали Паханом. Он лютей был: под пьяную руку мог и прибить. А пили — все. И грабили, чтобы пить да женщин зазывать, в карты резались, песни блатные горланили. Иногда в ресторанах шиковали. Вот и вся романтика “малины”. А законы там жестокие: предавшему — смерть. Достанут всюду.

В “малине” и промелькнула юность с различными кличками, с фальшивыми документами, без роду, без племени. Воровал, пил, блудил. Может, и дети от него были, да разве в свалке разберешь, кто чей. Так и плодились беспаянные Коли.

Конечно, и тюрем хлебнул. Отмотает срок, вдохнет свободы, а братва вновь: “Дело есть. Завтра...” — и назначали час и место встречи. Попробуй, не явись!

Накануне обычно плохо спалось. Вот и эта ночь была беспокойной. Не понял — то ли во сне, то ли наяву предстал пред ним Николай-Чудотворец.

— Никуда не ходи! Пропадешь! И пальцем пригрозил.

Метался утром — идти, не идти? В памяти всплыли слова Акулины: “Ах ты, Коля-Коля-Николай! Сиди дома-дома, не гуляй!”

Пока решал, братва пришла, в дверь ломится.

— Ты что?!

— Не пойду я.

— Открой!

— Не пойду!

— Ну, смотри! Пожалеешь!

Николай хорошо знал, что значит — “пожалеешь”. Но пожалел не он, пожалели они: их накрыла с поличным милиция. Братва решила — он их заложил.

Коля не знал, куда скрыться. Они же везде найдут. Спасаясь, попал в монастырь. А там вздумал в пещеры спуститься. О них всяких чудес наслушался от бабки-соседки. Привратник спросил:

— Есть ли благословение? Не моргнув глазом, соврал:

— Есть, есть.

От группы паломников отбился, на себя понадеялся. Стрелки на циферблате поздний час показывали, хотя в пещерах, казалось, время замерло. Народ как-то незаметно рассеялся.

И тут понял — заблудился в лабиринте катакомб. Свеча быстро сгорела. Наступила тьма кромешная. Зовет — в ответ лишь многократное эхо доносится.

Оказаться без развеселых компаний, без одурманивающих бутылок и музыки в мертвящей тишине, один на один с самим собой, было для него потрясением. Вся жизнь промелькнула как на экране, показалась ему мышиной возней.

“А что будет, если сюда никто не придет? Неужели мне пребывать во тьме до встречи с Тем, Кто спросит: на что ты потратил свои дни?”

Наткнувшись на какое-то надгробие, решил использовать его как лежанку.

Послышались шорохи, чьи-то шаги... А потом... что было потом, он никому не рассказывал. Едва начинал, его трясло и он заливался слезами и молился.

Как же он кинулся к вошедшим со свечами монахам, пришедшим утром творить молитвенную службу!..

Божьи люди предложили пожить у них в монастыре, чтобы в себя прийти, себя найти.

Пожил несколько недель. Принес покаяние за грехи, им совершенные. Причастился. Светло на душе стало. Спросил: можно ли у них еще остаться? Разрешили. Остался.

Постепенно красота церковных служб проникала в душу, открывался иной смысл бытия, иной мир. И потянулся сердцем к Отцу Небесному. Вступил через полгода в число братии пустыни. Божий дом — монастырь — стал его домом, а сам он через десять лет — даже батюшкой.

Теперь и утром и вечером молитвенно поминает свою братву, чтоб святой Николай и им пальцем пригрозил, чтобы и они стали братьями.

СЛЕПЫЕ КОТЯТА

В детском садике всегда весело отмечали дни рождения. И вдруг накануне очередного такого события Ксения услышала:

— Завтра Ксюше шесть лет стукнет. Встревоженная малышка вечером спросила маму:

— Шесть лет больно стукнет? Мама засмеялась:

— Откуда ты это взяла?

— Так Корзина сказала.

— Что? Что? Какая Корзина?

— Ну Зинаида Михайловна, воспитательница наша.

— Это почему же вы так ее прозвали?

— Она все с сумками да корзинами ходит, а еще новенькой не разрешила приносить в группу Барби. Говорит, наглядитесь, сами такими же бесстыжими станете. Оставляй дома, а лучше — брось в корзину. Новенькая и обозвала ее потом Корзиной. Так что же? Всем сладкий стол в день рождения был, а мне... Может, завтра в садик не ходить? Больно стукнет?

Мама от души рассмеялась:

— Ни чуточки. Только весело. И сладкий стол обязательно будет.

Дочка мгновенно оказалась в материнских объятьях.

— Видишь, часы время отстукивают: бом--бом-бом... Извещают: вот Ксюшенька еще на один час повзрослела. Бом-бом-бом... Еще на год... Бом-бом... А поумнела ли? Что успела доброго сделать?

Ксения задумчиво покачала головой.

- Ничего? Как же так? А плохого?

Ксюша пожала плечами.

— А кто воспитательницу только что Корзиной называл? Ай-яй-яй!

Девочка спрятала свое лицо на материнской груди.

— А Зинаида Михайловна трех детей воспитывает. И все — приемные. Сестра у нее умерла, трех сиротинушек оставив. Зинаида Михайловна всех их усыновила-удочерила. Как же ей сумки не таскать, если дома ее целая орава ожидает: что ты нам принесла, мамочка?

Она для них мамой стала. Лучшие годы им отдала. Они только-только в школу пошли. Ей одной их растить да растить, пока не оперятся... Сама уже не молоденькая. Да и здоровья маловато. Вот и пыхтит с сумками...

“Корзина, Корзина!” Имя Зинаида означает божественная. А вы... Слепые котятя. Ничего не видите. Не разрешила Барби приносить. И мудро поступила.

Помню, старшая сестренка мне из тряпок смастерила куклу. Так я ее больше всех игрушек любила. И платья для нее шила, и юбочки длинные, и лечила, и колыбельными баюкала. Когда ты родилась, я уже все для малыша делать умела. Через игру к материнству готовилась. А вы теперь даже в дочки-матери не играете. Вам Барби — крашенная красотка по душе. Только до чего с ней доиграетесь? Подобные девицы и мамами стать не могут.

Это врачи говорят. А что за жизнь без деток? Да и с родиной, с отечеством нашим что будет, если малышки, как ты, на свет Божий не станут появляться? Одни роботы расплодятся. Подумай!

— А почему ты сказала “одной растить”? Разве у трех сироток нет папы? Где он? — допытывалась Ксюша. — Почему не с ними?

— Улетел за океан с какой-то Барби. Есть бабочки-однодневки. Им бы только порхать с цветка на цветок, в погоне за удовольствиями. А про свою вечную душу, про образ Божий в себе не думают. Потому и однодневки.

— А что такое образ Божий?

— Когда мы любим, Бог в нас светится. Это и есть образ Божий. А их папа-летун всех предал — и детей, и жену, и родину. И образу Божию изменил.

В этот момент часы четко отбили: бом-бом-бом! Мама вздохнула:

— Что этот так называемый папа скажет, когда его последний час пробьет?

— Так стукнет-то больно? — вновь насторожилась дочь.

— Смотря для кого, — улыбнулась мама. — Если радовала других, и тебя радость ждет.

— Мама, давай что-нибудь завтра подарим Корзине!

— Давай! Только не Корзине, а... — мама испытующе посмотрела на Ксюшу.

— ...а Зинаиде Михайловне, — догадалась дочка.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Едва проснувшись, Настенька летела к зеркалу. Ах, какие бровки! Глазки-васильки! А носик!..

Бабушка тревожилась: так и ослепнуть можно, собой любуясь.

Но бабуля для внучки — динозавр, вымирающая эпоха. Какая поэзия, родство душ?! Ныне в моде дискотеки, тусовки, конкурсы красоты.

Татьяна Ларина, тургеневская Лиза — кто такие? Ха!

Целомудрие — что такое? Не смейся! Уже сексуальное образование с первых классов. Ну и допотопная ты, бабуся!..

А бабушка — классный видеоинженер. Из калейдоскопа эпох, судеб, личностей такое монтирует, что даже окаменевшие сердца вздрогнут.

Видя, как слова проносятся мимо, бабуся смонтировала фильм к совершеннолетию любимицы. И решила сама посмотреть, пока гости у внучки, ибо та сегодня непредсказуема, ожидая телеграммы или звонка от матери. Телефон не умолкал, но звонки всё не те...

Значит, и в этот день мама не вспомнила о ней!

Бедная внученька... Бабушка и не заметила, как Настенька вошла к ней. А начинался фильм с античного мифа о Нарциссе. Ему была предсказана гибель от самолюбования. Он даже обитал в лесу, чтобы не увидеть своего прекрасного лица.

Однако предсказание сбылось. Однажды, утолив жажду в лесном озере, Нарцисс был поражен своим отражением.

Дни и ночи, забыв о сне и еде, он не мог оторваться от дивного зрелища. Так и застигла его смерть, но уже не прекрасного, а истощенного и костлявого, но обоготворяющего себя.

И вдруг на экране вместо глади озера возникло зеркало, а в нем — знакомое лицо, лицо матери, украшающей себя помадами, а на коленях — малышка, припавшая к материнской груди. Потом в зеркале отразилась сама Настенька уже девушкой и тоже с красками и тушью.

“Неужели и я — Нарцисс?”

В комнату пытались войти, но Настя выпроводила всех. Ей захотелось в этот день узнать себя.

Это был особый фильм, где кадры семейной хроники перемешивались с калейдоскопом мгновений целого поколения, ослепленного погоней за наслаждениями. Полчища самолюбцев после рок-концертов и оргий дискотек громили все на пути к своему будущему.

А над ними — рогатый дирижер, заливаясь хохотом, зовет к себе.

Развилка дорог. Одна — к храму, куда водила ее малышкой бабушка, другая — в пропасть. А пропастью были Канарские острова, куда упорхнула мама с каким-то лихим бизнесменом, забыв о дочери...

Настя, зарыдав, припала к бабушкиной груди, как когда-то к материнской.

Глаза омывались слезами прозрения.

А в соседней комнате пили за дорогую именинницу, не замечая, что ее нет среди них.

Она была уже с Богом.

МУДРАЯ ПЧЕЛКА

Сказка

Были холода, и цветы не спешили распускать свои пышные бутоны.

Пчелке приходилось долго летать, чтобы собрать хоть немножко нектара. Бедняжка сильно утомлялась в поисках драгоценных капелек.

Она часто видела, как мухи стаями жужжат над помойными кучами. Им и летать далеко не надо. Всякой нечисти всюду полным-полно.

А еще заметила пчела объявление ученого-преученого доктора, превращающего всех желающих пчел в мух, чтобы они не томили себя подвигами, а жили в свое удовольствие.

Утомленная пчелка призадумалась: не обратиться ли ей к этому доктору?

Размышляя, она пролетела над помойкой, где пиrowала тьма мух под гул своего дискотечного жужжания, но запах разложения образумил ее.

— Нет! — решила пчелка, — Я лучше буду изнемогать от усталости, но вдыхать божественное благоухание, и нести в мир не заразу тления, а целебный мед. Так задумал меня Творец миров. Я останусь Ему верна.

Бог, видя мудрый выбор пчелы, послал волны тепла, волны любви — и распустились прекрасные бутоны.

И пчелка, радуясь, летала от цветка к цветку, слушая соловьиные трели и щебет птиц.

ЗОВ

Однажды разбойник, встретив своего бывшего учителя, бросился бежать. Учитель — за ним. Но почтенный возраст скоро дал о себе знать, учитель быстро выбился из сил, остановился и словом догнал беглеца:

— Вернись!

И слово достигло сердца разбойника и тронуло его.

“Как я могу убегать от своего наставника? Это же любимый ученик Христа апостол Иоанн! Бежать от него — бежать от Самого Христа. Куда мне бежать от Бога?”

И разбойник вернулся, принося высший дар, высшую жертву — свой сокрушенный, смиренный дух.

Таковых и приемлет Бог.

Зов святого преобразил его.

Даже в разбойнике апостол видел образ Божий.

Господь зовет каждого из нас.

Куда мы от Него убегаем?

НЕЗЕМНЫЕ ЛУЧИ

Вдруг десятки, быть может, сотни маленьких росинок вспыхнули, переливаясь разноцветиями. И каждая росинка — как солнышко.

Казалось бы, обыкновенная роса, но вот замерцало нечто неземное, отблеск иных миров.

Правда, скоро все погасло, росинки испарились, все стало обыденным и привычным. Эти бриллиантовые всполохи пробудили в душе светлые мысли. Глебу вспомнилось, как он уже видел эти неземные лучи.

В маленькой деревенской церкви готовились к таинству исповеди. К молодому священнику стояло довольно много прихожан. А в сторонке находился некий стол. Около него ожидали только четверо. Глебу подсказали, что старец будет исповедовать здесь, и когда маленький старичок подошел к столу, Глеб, считая, что его черед наступит еще нескоро, направился к иконе Спасителя попросить помощи. Грех, еще пребывающий в нем, мучил его. Всю ночь в поезде, ворочаясь на жесткой полке, он не мог сомкнуть глаз.

Как сказать о своем скверном поступке? Стыдно. Тяжко.

Но сказать пришла пора.

Увидев у входа в храм старца, грозно постучавшего тростью, Глеб и совсем оробел. Батюшка-то, говорят, воистину святой. Восемнадцать лет тюрем и лагерей вынес, а Бога не предал.

“Ты же, — думал Глеб, — предаешь своего Спасителя каждый час, а особенно тогда... Но как сказать? Рядом стоят духовные чада отца Григория. Говорить придется при них. Да я сквозь землю провалюсь! Как быть? Господи, помоги!”

И тут Глеб почувствовал, как чья-то ладонь легла на его плечо, обернулся.

— Вас батюшка зовет.

Глеб подошел к столу. Отец Григорий слабой рукой склонил головы всех своих чад и голову Глеба, накрыл их епитрахилью и еле слышным голосом произнес:

— Я, недостойный иерей Григорий, властью, данной мне от Бога, прощаю и разрешаю все твои грехи, вольные и невольные...

Глеб был поражен. Как? Уже разрешительная молитва? Уже грехи сняты? А как же мои покаянные слова?

Он в недоумении поднял глаза, и его взор встретил два божественных лучика, струившихся из глаз старца. В них было столько любви, что все вопросы и муки отпали.

Глеб понял, что он прощен, что он любим, что жизнь можно начинать заново.

Глазами прозорливого старца только что на него смотрел Сам Бог.

ДИВНЫЙ ПЛАМЕНЬ

Варвары осадили город. Стражники, охраняющие стены крепости, ночью заметили странный пожар, полыхающий верстах в трех.

Предположили, что это горит келья старца. Лет семьдесят в ней жил отшельник, пребывая в молитве и любви. И вот... Это же настоящее варварство, предать огню его кров!

Едва рассвело, воины бросились на помощь святому.

Но каково же было их изумление, когда они обнаружили и старца, и его домик совершенно целыми. Никаких следов пожара. Это было странно.

В следующую ночь стража вновь увидела огонь, полыхающий из всех окон келий. И в следующую, и в следующую...

Многие горожане взбирались по ночам на стену, чтобы созерцать божественный молитвенный пламень святого подвижника.

Видя это чудо, один из воинов стал монахом, чтобы и своей молитвой разгонять тьму.

ПУТЬ К СВЯТОСТИ

Как непостижимы пути Господни!

Мог ли когда подумать турецкий генерал, паша, командующий турецкими войсками во время войны турок с русскими, что ожидает его самого?

Турки жестоко мучили русских пленных. Это было массовое истязание за веру во Христа.

За предательство Спасителя и принятие мусульманства пленным обещали райское блаженство на небе и на земле.

Но православные предпочитали смерть отречению от Бога.

Паша был поражен не только стойкостью, но и радостью, с которой умирали христианские мученики. Он стал расспрашивать об их вере и, вскоре сам, удалившись в Персию, тайно крестился.

Узнав об этом, турки схватили своего генерала, вырезали на его груди и спине кресты, переломали кости и, сочтя мертвым, бросили на съедение собакам.

По Божьему Промыслу, когда к паше вернулось сознание, рядом проезжали русские купцы. Они выбрали мученика. Паша объяснил им, что подвергся нападению разбойников. Купцы увезли его на Кавказ и поручили заботам одной женщины.

Когда же больной поправился, в нем невозможно было узнать прежнего властного генерала. Это был уже согбенный старик, передвигавшийся с помощью палки.

- Но душа его была богата духовными сокровищами.

Странствуя, он оказался в Оптиной пустыни, которая полюбилась ему. Здесь он впервые исповедался, причастился святых Христовых тайн.

Пожив в святой обители, и сам принял ангельский чин, став схимонахом Николаем.

Однажды, гуляя с великим Оптинским старцем Варсонофием, он спросил:

— Слышишь, батюшка, музыку ангельскую? Это великое блаженство слушать ее.

Вспоминая об этом, старец, сам порой сиявший божественным светом, признался:

— Я не слышал ничего, и он простодушно удивлялся моей глухоте. Действительно, этот простой монах был возносим к небу еще при земной жизни. Он видел райские обители и слушал небесную музыку. Это была ему награда за мучения.

Только после его смерти братия увидела, как истерзано было его тело. Это действительно был святой.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Быть может, его считали не от мира сего, чудаком. Живя на окраине села, при дороге, на ночь, когда обычные люди спят, он зажигал свечу и ставил ее на окно. Если его спрашивали: “Зачем? Что за чудачество?” — он застенчиво отвечал:

— А вдруг будет такая тьма, что кому-то, кто заблудился, она укажет путь.

Тьма наступает. И хотя солнце встает каждое утро, тьма наступает.

Любимый ученик Христа апостол Иоанн предсказывал о грядущих временах, что всех — малых и великих, богатых и бедных, свободных и рабов — будут заставлять поклониться образу зверя, отречься от образа Божия в себе. Без этого никому нельзя будет ни покупать, ни продавать.¹

Такие грядут времена.

Но святой Иоанн оставил нам и удивительную строку: “И свет во тьме светит, и тьма не объяла его”.²

Чтобы мы не заблудились в дебрях жизни, в сгущающейся тьме, Иисус Христос явил нам Божественный Свет.

Однажды, взяв с Собой Петра, Иакова и Иоанна, Иисус пошел с ними на гору помолиться.

Утомившись, ученики крепко заснули, а Господь молился.

Когда же они проснулись, то среди ночного мрака увидели несказанное сияние, исходившее от Христа.

“И просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет”.³

Так Господь показал нам, какими мы должны быть.

¹ см. Откр. 13.

² Ин. 1:5.

³ Мф. 17:2. 70